

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая

Глава первая	15	Глава пятая	55
Глава вторая	24	Глава шестая.....	60
Глава третья.....	30	Глава седьмая	70
Глава четвертая	45	Глава восьмая	86

Книга вторая

Глава девятая.....	101	Глава девятнадцатая.....	185
Глава десятая.....	105	Глава двадцатая	188
Глава одиннадцатая	125	Глава двадцать первая.....	193
Глава двенадцатая	128	Глава двадцать вторая.....	199
Глава тринадцатая.....	135	Глава двадцать третья	203
Глава четырнадцатая.....	140	Глава двадцать четвертая..	215
Глава пятнадцатая.....	152	Глава двадцать пятая	221
Глава шестнадцатая.....	156	Глава двадцать шестая	225
Глава семнадцатая.....	169	Глава двадцать седьмая.....	230
Глава восемнадцатая	175		

Книга третья

Глава двадцать восьмая.....	239	Глава тридцать первая	271
Глава двадцать девятая	263	Глава тридцать вторая	278
Глава тридцатая.....	269	Глава тридцать третья	286

Книга четвертая

Глава тридцать четвертая..	295	Глава тридцать восьмая	334
Глава тридцать пятая	298	Глава тридцать девятая	346
Глава тридцать шестая.....	314	Глава сороковая	360
Глава тридцать седьмая	331	Благодарности	363

*Посвящается Ферозе Фриланд,
чей огонь освещает нашу тропу*

Все, о чем мы молчим,
мы уносим в своих чемоданах, карманах пальто, ноздрах.

*«Горожане смотрят, как уводят Альфонсо»,
Илья Каминский*

Ведь это место может быть красивым?
Ты мог бы сделать его красивым.

«Хорошие кости», Мэгги Смит

ЖЕНЩИНА ИЗ СЕМЬИ ИНДУИСТОВ ПОДАЛА В СУД НА БРАТЬЕВ, УБИВШИХ ЕЕ МУЖА-МУСУЛЬМАНИНА

ШЭННОН КАРПЕНТЕР

«Южноазиатский корреспондент»

Бирвад, Индия

Ее лицо — созвездие шрамов.

Левый глаз запаян наглухо, оплавленная щека и губы собраны вместе сетью швов. Обожженная левая рука осталась парализованной, но после восстановительной операции на правой руке Мина Мустафа снова может держать ложку и есть самостоятельно.

Пожар, в котором погиб ее муж Абдул, давно потушен. В поджоге подозревают двух братьев Мины, индуистов, — узнав, что сестра сбежала с мусульманином, те пришли в ярость. В полиции считают, что

братья пытались убить супругов, чтобы отомстить за позор, нанесенный их семье межконфессиональным браком.

«В вечер убийства мое тело выжило, — говорит Мина. — Но жизнь закончилась».

Теперь в ее сердце горит новое пламя — жгучая жажда справедливости.

Эта жажда заставила ее пойти наперекор желаниям недовольной свекрови и соседей-мусульман и потребовать, чтобы полиция снова открыла дело. При поддержке благотворительной организации «Адвокаты за перемены» Мина Мустафа подала на братьев в суд, чтобы убийцы мужа понесли справедливое наказание.

В стране, где повсеместно распространены смерти из-за приданого¹, сожжение невест и сексуальные домогательства, смелый поступок Мины — случай из ряда вон. Но он же сделал ее парией в маленькой консервативной мусульманской деревне, где многие теперь боятся мести со стороны индуистского большинства. И все же это ее не пугает. «Я борюсь за это дело ради ребенка. Чтобы иметь возможность сказать дочери: я боролась за твоего отца», — говорит Мина.

Миниатюрная скромная женщина, Мина кажется мягкой, но

под обманчивой внешностью скрывается железная воля. Воля, которая прежде сподвигла ее не подчиниться старшему брату и устроиться на работу на местную швейную фабрику, где она познакомилась с будущим мужем.

По совету адвоката Мина дала интервью, надеясь, что ее смелость вдохновит других индийских женщин противостоять своим обидчикам.

«Пусть мир узнает, что они сделали с моим Абдулом, — говорит она. — Люди должны знать правду».

¹ Смерть из-за приданого — распространенная практика в Индии, когда женщину доводят до самоубийства из-за недовольства слишком маленьким приданым. Как правило, это смерть именно в результате самоубийства, а не убийство; женщины совершают самоубийство, не выдерживая пыток и побоев. Бывают и случаи убийства невест, чаще всего через сожжение — это и есть сожжение невест, о котором говорит автор (здесь и далее — прим. пер.).

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пахло жженой резиной.

Запах сразу ударил в нос Смите Агарвал, когда та шагнула из прохладного разреженного воздуха аэропорта в теплую безветренную мумбайскую ночь. В следующий миг она отпрянула, оглушенная звуками — низким гулом тысяч человеческих голосов, к которому изредка примешивались лающий смех и пронзительный полицейский свисток. В изумлении она смотрела на людскую стену за металлическим барьером, где встречающие ждали родственников. «Неужели старый индийский обычай провожать путешественников всей семьей еще сохранился в 2018 году?» — подумала она. Но не успела додумать мысль, как горло обожгла вонь выхлопных газов, а барабанные перепонки запульсировали от воя автомобильных клаксонов, сигналивших позади ожидающей толпы.

На миг Смита застыла, оробев от увиденного и услышанного. Она проводила в разъездах больше дней, чем дома, и благодаря работе зарубежного корреспондента побывала во многих уголках

земного шара, но Индия ошеломила ее уже в первые секунды. Она словно столкнулась с природной стихией, торнадо или цунами, стихией — сметающей все на своем пути.

Ее веки затрепетали; она закрыла глаза и снова слышала шум набегающих волн на Мальдивах, в раю, который покинула всего несколько часов назад. В ту секунду она возненавидела странное стечение обстоятельств, которое привело ее в единственное место в мире, которого она избегала всю свою взрослую жизнь. Это же надо было поехать в отпуск в страну так близко к Индии, и чтобы Шэннон именно в этот момент понадобилась ее помощь и знакомый Шэннон всего за несколько часов смог раздобыть для нее полугодовую туристическую визу. Теперь Смита жалела, что это ему удалось.

«Возьми себя в руки, — слышала она отголоски сурового выговора, который сама себе устроила в самолете. — *Не забывай, Шэннон — твоя близкая подруга*». Она вспомнила, как только Шэннон могла развеселить папу в черные дни после маминых похорон. Заставила себя отбросить возникшую перед глазами картину и вгляделась в толпу в надежде увидеть водителя, которого прислала подруга. Какой-то мужчина нагло уставился на нее и похабно выпятил губы. Она отвернулась, обозрела толпу в поисках человека с табличкой, на которой было бы написано ее имя, и одновременно потянулась за мобильным, чтобы позвонить Шэннон. Но не успела достать телефон, как увидела его — высокого мужчину в голубой рубашке с картонной табличкой в руках. На табличке крупными буквами было написано ее имя. Она с облегчением подошла к нему.

— Здравствуйте, — сказала она, стоя по другую сторону металлического ограждения. — Я Смита.

Он смотрел на нее и моргал; на лице его читалась растерянность.

— Вы говорите по-английски? — резко спросила она и поняла, что сам вопрос задала по-английски. Но хинди она уже подзабыла и стеснялась на нем говорить.

Наконец человек заговорил на идеальном английском.

— Вы — Смиа Агарвал? — Он сверился с именем на табличке. — Но вы же должны были прилететь... Самолет сел раньше?

— Что? Да, наверное. Чуть раньше. — Она взглянула на него и хотела спросить, где ее машина. Ей не терпелось поскорее уехать из аэропорта и попасть в отель «Тадж-Махал-палас» на пирсе Веллингтона, где она надеялась принять долгий горячий душ и лечь в удобную постель. Но он продолжал смотреть на нее, и она ощутила растущее недовольство.

— Так что? Едем? — сказала она.

Он встрепенулся.

— Да-да. Простите. Да, конечно. Прошу. Пройдемте за мной. — Он указал на проход между двух металлических барьеров. Вокруг нее встречающие шумно приветствовали своих родственников, визжали от радости, женщины средних лет осыпали поцелуями лица и макушки подростков, а взрослые мужчины сжимали друг друга в крепких неуклюжих объятиях. Не желая потерять из виду водителя, она повернулась к нему; тот, толкаясь, шел через толпу к проходу.

Встретив ее по ту сторону ограждения, он потянулся и взял ее маленький чемодан для ручной клади, потом удивленно огляделся.

— А где остальной багаж?

Она пожала плечами.

— Это все.

— Всего один чемодан?

— Да. И рюкзак.

Он покачал головой.

— А в чем проблема?

— Ни в чем, — ответил он, и они двинулись к машине. — Просто... Шэннон сказала, что вы индианка.

— Американка родом из Индии. А при чем тут...

— Впервые встречаю индианку, которая путешествует с одним чемоданом.

Она кивнула, вспомнив, как родители рассказывали о родственниках, пускавшихся в путь с чемоданами размером с маленькую лодку.

— Вы правы. — Она с любопытством взглянула на него. — А вы — водитель Шэннон?

Его глаза блеснули в свете уличного фонаря.

— Вы решили, что я шофер?

Тут она присмотрелась, заметила джинсы, рубашку модного покроя, дорогую кожаную обувь и поняла, что совершила оплошность.

— Шэннон сказала, что пришлет кого-нибудь меня встретить, — пробормотала она. — Но не сказала, кого именно. Вот я и решила... — Он обескураженно смотрел на нее. — Извините.

Он покачал головой.

— Да нет, все нормально. Зачем извиняться? Нет ничего плохого в том, чтобы быть водителем. Но я не водитель, я друг Шэннон. Предложил вас встретить: рейс поздний, сами понимаете. — Он коротко улыбнулся. — Меня зовут Мохан.

Она ткнула себя в грудь.

— А меня — Смита.

Он помахал картонной табличкой.

— Знаю. На табличке написано.

Они смущенно рассмеялись.

— Спасибо за помощь, — сказала она.

— Не за что. Моя машина там.

— Расскажите, как дела у Шэннон, — сказала Смита, пока они шли к машине.

— Она очень мучается. Как вы, наверное, знаете, перелом шейки бедра подтвердился. Операцию сделать не смогли: выходные. А теперь решили подождать несколько дней, пока доктор Шахани не вернется в город. Это лучший хирург в Мумбаи. А случай сложный.

Она с любопытством взглянула на него.

— А вы... вы близкий друг Шэннон?

— Я ей не бойфренд, если вы об этом. Но близкий друг, да.

— Ясно.

Она завидовала Шэннон: та работала корреспондентом южно-азиатской газеты и могла пустить корни и подружиться с местными. Сама Смиа занималась гендерными темами и почти никогда не задерживалась в одном месте больше чем на неделю-две. Двух недель было мало, чтобы семена дружбы дали ростки. Она посмотрела на чемодан, который нес Мохан. Удивится ли он, узнав, что в Нью-Йорке у нее было еще два таких же чемодана, полностью укомплектованных, чтобы в любой момент можно было сняться с места?

Мохан что-то рассказывал про Шэннон, и Смиа заставила себя прислушаться. Когда Шэннон позвонила ему из больницы, сказал он, голос у нее был испуганный; он тут же поехал к ней. Смиа кивнула. Она вспомнила, как лежала в больнице в Рио с гриппом, как одиноко было болеть в чужой стране. А по сравнению с индийскими больницами бразильская наверняка была раем. Шэннон работала в Индии уже... сколько? Года три? Но Смиа все равно не представляла, что чувствует человек, которому предстоит операция в чужой стране, где у Шэннон никого не было.

— А какие условия в больнице? — спросила она Мохана. — Хорошие? С ней все будет в порядке?

Мохан остановился, повернулся и посмотрел на нее, подняв брови.

— Да, конечно. Она в больнице «Брич Кэнди». Это одна из лучших клиник в городе. В Индии хорошие врачи, одни из лучших в мире. У нас теперь центр медицинского туризма, вы разве не знаете?

Она удивилась, что он так обиделся, так резко отреагировал, — она замечала это свойство у папиных друзей-индийцев, даже у тех — особенно у тех, — кто долго жил в Штатах.

— Я не хотела вас обидеть, — сказала она.

— Все в порядке. Многие до сих пор считают Индию отсталой.

Она закусила губу, чтобы ненароком не сказать то, что вертелось на языке: *она и была отсталой, когда я здесь жила.*

— Красивый у вас новый аэропорт, — примирительно произнесла она. — Большинству американских аэропортов до него как до Луны.

— Да. Как пятизвездочный отель.

Они подошли к маленькой красной машине; Мохан отпер ее. Забросил чемодан в багажник и спросил:

— Хотите сесть спереди или сзади?

Она удивленно взглянула на него.

— Спереди, если вы не против.

— Конечно. — Хотя его лицо оставалось бесстрастным, Смит услышала, как голос его насмешливо дрогнул. — Я просто подумал... раз вы решили, что я шофер Шэннон, может, захотите ехать сзади.

— Простите, — пробормотала она.

Он выехал с парковки, перестроился в нужную полосу и тихо выругался, попав в затор на выезде из аэропорта.

— Даже ночью так много машин, — заметила Смита.

Он раздраженно щелкнул языком.

— Да уж. Пробки в Мумбаи — отдельная боль. — Он повернулся к ней. — Но не переживайте. Выедем на главную дорогу, и станет лучше. До отеля домчим с ветерком.

— Вы там рядом живете?

— Я? Нет. Я живу в Дадаре. Это ближе к аэропорту, чем ваш отель.

— Ох, — воскликнула она, — как неловко! Надо было мне просто взять такси.

— Нет-нет. Ночью женщине опасно садиться одной в такси. И это же Индия. Нельзя допустить, чтобы гостя ехала из аэропорта на такси.

Она вспомнила родителей: зимой в Огайо те встречали гостей в аэропорту Колумба и в слякоть, и в снегопад. Пресловутое индийское гостеприимство существовало на самом деле.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. — Он покрутил регулятор кондиционера. — Температура нормальная? Не жарко? Не холодно?

— Можно чуть прохладнее? Ужасная жара, просто не верится, даже в январе.

Мохан коротко взглянул на нее.

— Прелести глобального потепления. Подарок богатых стран вроде вашей бедным вроде нашей.

«Неужто он из националистов, — подумала она, — как друг отца Ракеш, который поносил Запад на все лады и уже сорок лет планировал неминуемое возвращение на родину?» Но Мохан говорил правду. Она сама часто рассуждала так же.

— Да, — согласилась она, не желая ввязываться в политические дебаты. Слишком она устала, веки отяжелели; ее клонило в сон.

Мохан, должно быть, почувствовал ее усталость.

— Если хотите, можете поспать, — сказал он. — Еще полчаса ехать.

— Да ничего, — ответила она, встряхнула головой и начала разглядывать длинный ряд лачуг, построенных прямо на тротуаре. Даже в такой поздний час мужчины в майках и саронгах стояли в разинутых ртах хижин, освещенных керосиновыми лампами. Смиа закусил губу. Она привыкла к нищете третьего мира, но виды, мимо которых они проезжали сейчас, ничуть не изменились со времен ее детства. Она словно ехала мимо тех же трущоб и тех же людей, что и двадцать лет назад, в 1998 году, когда они с семьей направлялись в аэропорт. Где та новая Индия эпохи глобализации, о которой она так много читала?

— Государство выплатило жителям трущоб компенсации, чтобы они освободили жилье и переехали в муниципальные дома, — сказал Мохан. — Но они отказались.

— Seriously?

— Так мне сказали. А в демократической стране разве можно заставить кого-то переехать?

Повисла тишина, и Смите показалось, что, открыто разглядывая трущобы за окном, она вынудила Мохана защищать свой город. Она часто сталкивалась с этим феноменом в работе: средний класс в бедных странах ошетикивался, когда люди с Запада начинали судить об их стране.

Однажды в Гаити местный чиновник чуть не плюнул ей в лицо и принялся проклинать американский империализм, когда она попыталась расспросить его о коррупции в его округе.

— Их можно понять, — ответила она. — Это их дом.

— Именно. Это я и пытался втолковать своим друзьям и коллегам. Но те упорно не понимают того, что вы поняли меньше чем за десять минут.

От этих слов у Смиты неожиданно потеплело на сердце, словно Мохан вручил ей маленький приз.

— Спасибо. Просто я здесь раньше жила. Поэтому понимаю.

— Жили здесь? Когда?

— В детстве. Мы уехали из Индии, когда мне было четырнадцать.

— *Вах.* А я не знал. Шэннон сказала, что вы индианка, но я решил, что вы и родились за границей. Говорите как настоящая американка.

Она пожала плечами.

— Спасибо. Наверное, я и есть настоящая американка.

— А здесь у вас остались родственники?

— Да нет. — Не дождавшись, пока он начнет расспрашивать дальше, она проговорила:

— А вы чем занимаетесь? Вы тоже журналист?

— Ха! Шутите, что ли? Я бы никогда не смог заниматься тем, что делаете вы с Шэннон. Я сочинять не умею. Нет, я работаю в айти. Компьютерщик. В фирме «Тата Консалтанси». Слышали про «Тату»?

— Конечно. Это же они несколько лет назад купили «Ягуар» и «Ровер»?

— Да. «Тата» все производит: автомобили, мыло, тепловые электростанции. — Он приспустил стекло. — Смотрите, мы едем по новому мосту между Бандрой и Уорли. Когда вы здесь жили, его еще не построили. Теперь можно сократить путь.

Автомобиль медленно полз по подвесному мосту; внизу плескались темные воды Аравийского моря, и Смиа залюбовалась городскими огнями.

— Удивительно! Мумбаи теперь похож на любой другой современный город. Такие же виды в Нью-Йорке и Сингапуре.

Вот только в Нью-Йорке и Сингапуре теплый воздух не пах кислятиной. Она хотела спросить Мохана, что это за запах, но передумала. Она в городе гостя, и, честно говоря, с приближением к конечному пункту пути узел в ее животе затягивался все туже. Откровенно, ей совсем не хотелось быть в Мумбаи. Сколько бы красивых новых мостов ни построили здесь городские власти, какими бы манящими ни казались огни на горизонте, ей здесь не нравилось. Побудет с Шэннон пару дней в больнице и как можно скорее уедет. На Мальдивы возвращаться будет уже поздно, но ничего. Она с радостью проведет остаток отпуска в бруклинском таунхаусе. Посмотрит кино. Но сейчас она ехала в «Тадж-Махал-палас», на всех парах неслась в квартал, где когда-то жила.

Смиа Агарвал смотрела в окно на улицы города, который когда-то любила; города, который последние двадцать лет пыталась вычеркнуть из памяти.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наутро Смита встала рано и на секунду, лежа в незнакомой постели, забыла, что уже не на Мальдивах, не в отеле «Сан Аква Резорт». Ей даже показалось, что она услышала шум волн, бьющихся о берег, и почувствовала, как тело утопает в песке цвета сахара. Но потом вспомнила, где находится, и тело ее тут же напруглось.

Она встала с кровати и прошла в ванную. А вернувшись, подошла к окну и раздвинула тяжелые шторы, впустив яркий дневной свет и увидев солнечные блики на мутной, вечно бурой морской воде. Она вспомнила, как, привыкшая к грязной воде Аравийского моря, впервые увидела Атлантический океан и поразилась его чистейшей синеве. Как папа кричал на слуг хозяев домов на берегу, когда те выбрасывали в воду пакеты с мусором, и на мужчин, которые мочились прямо в море на пляжах Джуху и Чаупатти. Бедный папа. Как же он любил этот город, а город не ответил ему взаимностью.